

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

Татьяна Медиевская — член Союза писателей России, москвичка в четвертом поколении. Окончила МХТИ имени Д. И. Менделеева, Патентный институт, Высшие литературные курсы Литературного института имени А. М. Горького. Работала тренером по фигурному катанию, инженером на строительстве Токтогульской ГЭС, патентоведом в научно-исследовательских институтах и на часовом заводе. Публикуется в журнале «Юность», альманахах и коллективных сборниках. Автор книг стихов, прозы и пьес. Дипломант международных литературных конкурсов.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дать пеструю картину мира несколькими штрихами пытались многие. Иногда удачно, часто — не очень. Хотя есть в жанре этом и свои классики... Писатель Татьяна Медиевская вступает на трудный путь, а мы попробуем поддержать похвальные стремления, отдавая ее зарисовкам целую рубрику.

ЦИРКОВАЯ ЛОШАДЬ

Представление в шапито заканчивалось под несмолкаемый шквал аплодисментов.

Бартабас — владелец и режиссер труппы, статный, за пятьдесят, с гладким черепом, обрамленным пышными бакенбардами, черты лица тонкие, взгляд иссиня-черных глаз пронзительный, весь в черном, — придиричиво оглядывал себя в зеркале, нервно сжимая в руке телефон. Ждал известий из Фонтенбло. Вся труппа артистов и лошадей шествовала по манежу с поклонами.

Вбежал помощник с радостными возгласами:

— Ваш выход, маэстро! Слышите, как неистовствует публика. Мы покорили этих русских! Они просят вас!

— Как я выйду без Зингаро! Я без коня как без ног! — зло выкрикнул Бартабас.

— Маэстро, но публика не знает, что вы всегда на поклонах гарцуете на Зингаро. Возьмите любого коня! Доставьте счастье хотя бы першерону. Какой триумф! Мы гвоздь театрального фестиваля Чехова. Труппа в восторге от усадьбы Коломенское!

Бартабас слушал эту тираду вполуха. Его мысли были заняты Зингаро, чьим именем он назвал конный театр, покоровший весь мир уникальными балетными постановками с лошадьми.

— Повторите для публики финал! — распорядился Бартабас.

Перед гастрольями его роскошный вороной жеребец сломал ногу. Бартабас недоумевал, почему на вопрос: «Как Зингаро?» — он получал какой-то невнятный ответ: «Произошло заражение, не заметили, но все под контролем».

Бартабас вспомнил, как все начиналось. Он сбежал из семьи в цыганский табор, а потом появился на Авиньонском фестивале с конем и крысой, выступление странной троицы имело сногшибательный успех, после чего организаторы предложили поставить для фестиваля спектакль.

Послышались финальные звуки оркестра. По манежу под оглушительные рукоплескания вихрем пронеслась убранная цветами цыганская кибитка с невестой. Не успели концы длинного шлейфа фаты белым облаком растаять над свадьбой, как покатила повозка с гробом. Музыка резко оборвалась, как жизнь героев. И вот зазвучал вальс, и уже на манеже с непостижимой грацией, будто нимфы из балетов Петипа, танцует без всадников шестерка лошадей сказочной красоты: нежно-персиковые с золотистыми, пушистыми и легкими, как вуали балетных пачек, гривами и хвостами. Чудесным образом с купола низвергнулся водопад, искрясь и сверкая в лучах разноцветных прожекторов. Зрелище уносило зрителей в мир грез,

счастья и тоски о бренности всего сущего, о краткости жизни.

Телефон маэстро подал сигнал о сообщении: «Конь умер». Бартабас нажал сброс с такой силой, что, казалось, треснет экран, потом размахнулся, чтобы швырнуть телефон об пол, но сдержался и, аккуратно положив его на стол, тупо уставился на свои сапоги.

Вбежал помощник.

— Маэстро, пора!

Бартабас появился на публике, прошел, как робот, по манежу несколько кругов с вымученной улыбкой. Ноги вязли в песке. Он почти оглох от горя и оваций. Бартабас казался себе карликом среди лошадей.

Мысль, что он никогда больше не выйдет на арену с Зингаро, казалась невыносимой, жгучей, отвратительной, тошнотворной. Эта мысль впиалась в него, как змея.

У входа в гримборную Бартабаса толпилась стайка возбужденных корреспондентов. Маэстро сообщил, что даст только одно интервью, и наугад невидящими глазами выбрал светло-русую красавицу.

Когда красавица вошла в гримборную, она увидела спину маэстро, сотрясающегося от рыданий. Она нерешительно помялась, кашлянула, но потом вышла, тихо затворив за собой дверь и бросив на прощание:

— Извините...

